

М.С.-Г. Албогачиева

ПОХОРОНЫ И ПОМИНКИ У ИНГУШЕЙ

В июне–сентябре 2008 г. проводились экспедиционные этнографические исследования в Джейрахском, Сунженском, Малгобекском и Назрановском районах Республики Ингушетия. Наряду со сбором материалов по теме «Трансформации идентичности среди ингушей в конце XX — начале XXI в.» изучались и различные стороны похоронно-поминальной обрядности ингушей.

Автору уже приходилось обращаться к вопросам религиозно-бытовых практик современных ингушей [Албогачиева 2007: 118–125]. Данная статья является своеобразным дополнением к указанной работе. Здесь предпринята попытка дать более развернутую картину похоронно-поминальной обрядности ингушей на основании анализа и сравнения материалов, полученных во время экспедиционных поездок 2003–2008 гг.

В своей истории ингушский народ прошел три религиозных этапа — языческий, христианский и мусульманский.

Для языческого этапа характерны боги-покровители, которые в зависимости от их значимости в жизни людей занимали определенную ступень иерархической лестницы. Пантеон языческих божеств отличался сложностью и высоким уровнем развития. Верховным божеством традиционного пантеона у ингушей считался Дяла.

Язычеству ингушей были присущи проявления анимистических и тотемистических представлений, магия, почитание объектов природы, в частности небесных светил, культ домашнего очага, культ предков и др.

Ингуши считали, что покойники живут в загробном мире так же, как и на земле, с той лишь разницей, что когда здесь ночь, там наступает день, и всячески стремились обеспечить покойному все необходимое в загробном мире. Они полагали, что духи умерших предков вправе требовать к себе постоянного внимания и заботливого отношения со стороны потомков. И действительно, живые потомки глубоко почитали предков,

стремились заручиться их расположением, избежать их недовольства, считая, что жизнь и благополучие живых в значительной мере зависят от отношения к ним со стороны духов умерших и предков.

В XIX в. еще бытовали обряды посвящения коня умершему, ритуальные игры в поминальной камере, посвящение девушки и многое другое.

Наибольший интерес представляют скачки в честь «постельных» поминок, которые устраивались для того, чтобы покойник мог на том свете быстрее встать с постели. Для «облегчения» этого процесса устраивались скачки, стрельба в цель и джигитовка. За день до поминок к родственникам покойного должен был явиться каждый, кто желает участвовать в скачках. Из всех приехавших с этой целью отбирали только всадников с конями и назначались призы. Участникам нужно было отправиться в дальнее селение, причем в руках у них должны были быть большие ветки, обвешанные яблоками и орехами. После приезда в назначенное селение всадники одну ветку дарили хозяину дома, где остановились на ночлег, а остальные — почетным старикам. На следующее утро они должны были скакать к месту поминок. Победители получали следующие призы от родственников покойника: первый — комплект мужской одежды, второй — бешмет, третий — башлык и ноговицы, а четвертый — рубашку и штаны.

В период проведения скачек, еще до приезда всадников, устраивалось другое состязание — по стрельбе. Победитель в этой игре тоже получал приз — козленка. Затем начинался традиционный обряд посвящения покойному лошади. Для этого старейшина рода брал в одну руку сосуд с пивом, а в другую — три лепешки и кусок баранины. К нему подвели взявшую первый приз лошадь, которую он поил пивом. Хозяину лошади он отдавал лепешки и баранину, а затем объявлял, что лошадь посвящается с согласия владельца покойнику, который, как считается, на том свете сможет ездить на ней, куда ему захочется. Остальных лошадей, участвовавших в скачках, таким же образом посвящали и отдавали предкам покойника, по выбору родственников усопшего. Заканчивались «постельные» поминки часовой джигитовкой, во время которой у всадников в руках были ветки, украшенные фруктами и орехами [Ахриев 1996: 64].

В рассматриваемый период в верхней части некоторых могильников устраивалась поминальная камера — приют для душ умерших. Это помещение было открыто с одной стороны, чтобы могли поместиться несколько человек. В свободное время родственники приходили к покойникам и играли в особую игру. Она сводилась к тому, что участники бросали на манер костей коротенькие четырехугольные палочки с на-

резками, желая попасть в высеченную на полу фигуру, на которой были линии с делениями. Если палочка попадала в эти линии, то выигрывал бросавший ее родственник, если же нет, то покойник. Эта игра подтверждает веру ингушей в потустороннюю жизнь покойника [Шиллинг 1931: 16].

Интересен обычай ингушей, бытовавший в начале XIX в. «Когда у ингуша умирал сын, к нему являлся кто-нибудь из единомышленников, у которого в том же году умерла дочь. “Сын твой, — говорил пришедший, — может нуждаться на том свете в жене. Я отдаю ему руку своей дочери”. Обычай не допускал отказа от подобного предложения и требовал уплаты калыма как за живую невесту, столько-то коров, хотя и в меньшем размере» [Далгат 2004: 74].

На различных этапах своего существования одни обряды изменялись или исчезали полностью, на их месте возникали другие. Это было связано с социальными и экономическими условиями развития общества и с переходом ингушского народа к другим, более поздним религиям, которые также нашли свое отражение в ингушских обрядовых практиках.

Современные погребальные и поминальные обряды в значительной мере отличаются от прежних практик ингушей, свойственных народу в предыдущие эпохи. Однако некоторые домонотеистические представления, которые не противоречат положениям мусульманской религии о душе и смерти, в несколько ином варианте все-таки существуют [Гостиева; Сергеева 1996: 194]. Возможно, в этом и кроется живучесть некоторых обрядовых и ритуальных практик ингушей.

Современные ингуши принадлежат двум суфийским орденам, или *тарикат* 'ам (араб. «дорога, путь» — метод мистического познания Истины) — *накибандий* и *кадырий*, в свою очередь подразделяющимся на братства *вирд* 'ы (их члены дают обет придерживаться пути, предложенного шейхом), которые различаются особенностями совершения обряда *зикр* (радение) и некоторыми ритуалами, разработанными основателями религиозного направления (*устаз*). Деление на братства делает более сложной структуру ингушского общества, которую издавна формировали связи и отношения между и внутри семейно-родственных групп — *тейп* 'ов.

Для современных ингушей принадлежность к тому или иному братству (вирду) является важнейшим элементом не только религиозной, но и гражданской идентичности. При этом вирдовая структура не совпадает с тейповой (родовой) структурой общества. Члены одного тейпа и даже одной семьи по собственному выбору могут быть последователями того или иного тариката и определенного вирда. На этой почве в

семьях иногда возникают разногласия, но они не столь существенны и не приводят к серьезным последствиям.

Основателями функционирующих в Ингушетии вирдов являются суфийские шейхи. Суфизм — мистическое направление в исламе, приверженцы которого стремятся обрести божественную любовь и божественное знание посредством личного мистического опыта. Основным суфийским духовным упражнением является *зикр* — повторение имени Бога или некоторых фраз из Корана. Кадирийцы практикуют громкий зикр — *джахр*, который исполняется в форме движения по кругу в такт ритмичной музыке и сопровождается особыми восклицаниями. Накшбандийцы исполняют тихий зикр — *хафи* [Ислам... 1991: 188]. Сторонники громкого и тихого радения ссылаются на Коран, где сказано: «Не произноси громко своей молитвы, но и не шепчи ее, а следуй по пути между этим» (сура 17, аят 110). На этом основании представители обоих тарикатов убеждены, что обе формы зикра не противоречат Священному Писанию.

Практикуемый в Ингушетии вариант суфизма распространен не на всем Северном Кавказе. Мусульмане других частей региона не признают местного варианта суфийских тарикатов, где сохраняется культ святых могил и родников, почитаются шейхи и их семьи, особенно по мужской линии. Такой вариант суфизма они считают неисламским по форме, так же как неисламскими — корни соблюдаемых ингушами обычаев и обрядов [Бабич 2003: 130].

В настоящее время в Республике Ингушетия кадирийский тарикат представлен братствами Кунта-хаджи Кишиева, Бамат-Гирей-хаджи и Али Митаевых, Батыл-хаджи Белхароева, а накшбандийский тарикат — братством Дени Арсанова и др. Каждое братство признает исключительность своего шейха, хотя с почтением относится к шейхам остальных братств. Священными местами для каждого братства считаются места погребения их духовных учителей. К числу таковых относятся следующие *зерат* 'ы: в Эртени (село Первомайское Веденского района Чечни) — место захоронения матери Кунта-хаджи Хеды; в Сурхах — могила Батыл-хаджи; в Урус-Мартане — могила Дени Арсанова; в Автурах — могила Бамат-Гирей-хаджи. Все последователи этих уставов совершают паломничества к священным для них местам. Сюда приходят с просьбами о помощи и благодарностями за оказанную помощь [ПМА. Ингушетия 2005]. В почитании святых могил (*зерат*) хорошо прослеживается культ предков и народных героев.

Погребально-поминальная обрядность современных ингушей тесно связана с канонами мусульманской религии. На похоронах и поминках

недопустимы застолья с употреблением алкогольных напитков, как это было в период язычества и христианства. Совершение похорон и поминок происходит по мусульманскому обряду, но с сохранением некоторых элементов народных традиций.

Если человек безнадежно болен или очень стар, то его никогда не оставляют одного, так как он может умереть, не услышав молитвы, которую читают для облегчения участи умирающего во время предсмертной агонии (*иа син*). Эту молитву может читать любой мусульманин, знающий ее наизусть, вне зависимости от того, имеет он духовное образование или нет. В последнее время практикуется озвучивание этой молитвы в виде записи на магнитофон, плеер или просто на телефон одинокими людьми. Как отмечала мусульманка Люба, она ночью перед сном включает эту молитву, записанную на телефон, и спокойно засыпает, уверенная в том, что если ее смерть застигнет ночью, она будет готова принять ее [ПМА. Ингушетия 2008].

В тех случаях, когда безнадежно больной человек сильно мучается, близкие родственники, желая облегчить его страдания, раздадут милостыню сиротам и бедным людям. Некоторые режут жертвенное животное, мясо которого также раздается [ПМА. Ингушетия 2007]. «Такая практика, — писал Башир Долгат, — существовала у ингушей еще в конце XIX в.». Так, «одна женщина, хозяйка мельницы, не довольствовалась тою долею муки, которую ей давали за помол, и тайком отсыпала себе чужую муку. За это она четыре-пять дней пред смертью сильно мучилась; она жаловалась, что ее не пускает на тот свет бог Эштр¹. Родные ее раздали пять мер хлеба бедным, а Эштру принесли в жертву белого барана, и она только после этого умерла. В этих примерах загробного возмездия, очевидно, смешаны языческие верования с мусульманскими» [Далгат 2004: 78]. К сожалению, мы не располагаем сведениями об эффективности этого ритуала, однако его бытование столь продолжительное время позволяет судить о его результативности.

Когда человек умирает, ему закрывают глаза, подвязывают подбородок белой марлей и оставляют до тех пор, пока не будет подготовлено все необходимое для омовения.

В случае смерти ребенка, не достигшего восьмилетнего возраста, оповещают только ближайших родственников и ограничиваются мовлидом (песнопения, которые исполняются на праздновании дня рождения пророка Мухаммеда), не делая пышных похорон.

Когда умирает взрослый человек, несколько мужчин отправляют в разные населенные пункты к родственникам, чтобы оповестить о

¹ Эштр — бог подземного царства.

случившемся несчастье (*дакх хIе*), или обзванивают их. Однако люди, независимо от того, получили они приглашение на похороны или нет, от принадлежности умершего к тому или иному вирду, как только узнают о смерти односельчанина, знакомого или родственника, считают своей обязанностью прийти и выразить соболезнование. В период траура запрещается заключать брачные союзы и проводить любые увеселительные мероприятия. В знак траура в некоторых семьях не включают телевизор и музыку в течение 40 дней и более. Близкие покойного в знак скорби некоторое время не бреют бороду, а женщины не пользуются макияжем, носят платок как минимум в течение сорока дней и надевают темную траурную одежду.

На похороны все должны прийти с покрытой головой, женщины на голову надевают платок или шарф, закрывая волосы, а мужчины — шляпы, тубетейки или шапки, в зависимости от сезона года. В любом случае голова должна быть прикрыта, поэтому у многих мужчин при себе всегда имеется маленькая вязаная шапочка, которую они могут надеть в том случае, если придется поехать на похороны. Если в прежние времена на похороны ходили, заранее узнав о том, что кто-то умер, от посыльного, то теперь это известие может застать человека в зоне действия мобильного телефона. В связи с этим и мужчинам, и женщинам желательно всегда при себе иметь головной убор [ПМА. Ингушетия 2008].

На похороны родственники приезжают вместе, мужчины заходят во двор первыми, а женщины — после них.

На похоронах плачут только женщины, сильно кричать и причитать нежелательно. В таких случаях вмешиваются мюриды (последователи, ученики) и просят не нарушать покой мертвого. Если еще в начале 1990-х годов на похороны приглашали известных плакальщиц, то на современных похоронах этой практики нет, плачут только родственницы, чаще всего причитая: «Почему ты ушел(ла) и оставил(а) нас, лучше бы умерла я за тебя, твоя (мать, сестра, тетя)» и др.

Духовный центр мусульман Республики Ингушетия распространил в мечетях решение, принятое 5 декабря 2005 г. на встрече имамов с муфтием республики Исой Хамхоевым, где отмечено, что «в первый день на похоронах могут присутствовать только близкие родственники: мать, бабушки, дочери, внуки, сестры, двоюродные сестры, племянницы, снохи, их сестры, тети, теща, жены двоюродных братьев». Остальные родственницы, знакомые, приятельницы, сослуживцы и прочие могут приходиться на похороны только со второго дня. Такое решение было принято для того, чтобы облегчить и без того тяжелый день прощания с покойным. Близкие родственницы покойной или покойного должны всех

встречать, рассаживать с учетом возраста и степени родства. Если люди приехали из отдаленных мест, то их должны покормить. Эту процедуру совершают у себя дома кунтахаджинцы, а у накшбандийцев эта миссия перекладывается на ближайшего соседа, независимо от принадлежности к вирду.

Соболезнования принимает один из старших в роду или близкий родственник умершего. У кунтахаджинцев в течение трех первых дней с самого утра и до вечера во дворе сидят почетные старейшины и рядом с ними, чуть подальше, хозяин дома. Это делается потому, что многие приходящие на похороны могут не знать главу постигшей несчастье семьи. Мужчины, входя во двор, подходят к сидящим, чтобы прочитать молитву и выразить соболезнование. Читает молитву по выбору собравшихся старший или почитаемый человек из числа присутствующих или вновь пришедших. Он должен вслух прочитать молитву (*дуа*), а присутствующие должны поднять руки на уровень груди и произнести *Амин*. После окончания молитвы они подходят к главе семьи и кладут ему в карман деньги. Сумма может варьировать от 100 до 3000 рублей и более в зависимости от степени родства и финансовых возможностей пришедшего выразить соболезнования. Наибольшие траты на похороны и поминки, как правило, выпадают на долю зятя семьи умершего. Он должен привезти на похороны жертвенное животное или оплатить его покупку. Некоторые семьи на поминках отказываются от денежных подношений. Обычно так поступают состоятельные семьи. Но желающим оказать содействие в проведении поминок разрешается самостоятельно выбрать какой-нибудь день и, заранее оповестив семью покойного, привезти все необходимые продукты и тем самым оказать посильную помощь.

Изложенное относится ко всем братствам, за небольшими исключениями. Так, в братстве накшбандий пришедшие на похороны расходятся сразу после выражения соболезнований, тогда как в других братствах они могут быть на похоронах столько, сколько посчитают нужным. Однако нужно отметить, что официально похороны считаются законченными по истечении трех дней, но по желанию семьи поминки могут длиться в течение семи дней.

Комнату, в которой умер человек, необходимо побелить или помыть в ней обои, в любом случае так или иначе освежить.

У ингушей принято хоронить покойника как можно быстрее, стараются уложиться в течение нескольких часов, как только заканчивается подготовительная часть. Но в ряде случаев, когда близкие родственники отсутствуют, похороны откладываются на один день, но не более. Если

покойника не предали земле в первый день, то рядом с усопшим все время остаются его близкие и читают молитвы. В комнате, где лежал покойник, следует читать молитвы и не гасить свет в течение семи дней после кончины.

Главная роль по соблюдению похоронной обрядности возлагается на мюридов. Однако необходимо оговорить одну очень важную деталь. Людей, совершивших аморальные поступки, торговавших наркотиками, производивших на дому алкогольные напитки, мюриды не хоронят, считая, что их поступки оскверняют честь мусульманина. Таких людей хоронят близкие родственники и члены их рода, совершая лишь то, что они могут сделать сами, не прибегая к помощи мюридов. В остальных случаях первым делом ставят в известность главу мюридов (*тхьмад*) данного населенного пункта. Он, в свою очередь, ставит в известность своего заместителя (*турк*), который оповещает мюридов о смерти человека и назначает время и место сбора. Необходимо отметить, что в каждом населенном пункте Ингушетии наиболее многочисленны кунтахаджинцы, чьих мюридов бывает вполне достаточно для одновременного захоронения их силами нескольких человек. Однако представители других братств, узнав о кончине своего последователя, спешат на его похороны, чтобы принять участие в его захоронении и соблюсти все обряды, свойственные их вирду. Отметим, что, несмотря на существующие различия в похоронном обряде, в этой церемонии допустимо участие мюридов различных братств.

Первым делом, когда мюриды приходят в дом покойного, они спрашивают, есть ли у покойного духовное завещание (*васкет*), и если оно имеется, то знакомятся с его содержанием. Такого рода завещание желательно иметь каждому человеку, достигшему совершеннолетия. Если его содержание не противоречит шариату, то его выполняют полностью. Но если есть положения, выполнение которых не предписано шариатом, например похоронить на какой-то определенной возвышенности, или в праздничной одежде, или с какими-то предметами быта, такие пожелания отклоняются. Затем выясняют, были ли у покойного деньги, отложенные на похороны. Если нет, то ограничиваются минимумом необходимого: это омовение покойника, приготовление савана и облачение в него, и процедура захоронения. Но если кто-нибудь из близких и родных изъявляет желание взять на себя все расходы, связанные с похоронами, и выполнить все пункты завещания, ему для исполнения намерений необходимо перед присутствующими дать обет, что он никогда не потребует от семьи покойного возмещения денежных затрат и совершает это от всей души, безвозмездно. Толь-

ко в таком случае его предложение принимается [ПМА. Ингушетия 2004–2005].

Погребению тела умершего предшествуют действия, связанные с поминовением усопшего.

У представителей накшбандий во дворе дома, где умер человек, в течение трех дней не едят и не готовят пищу, поэтому обязанности по приготовлению поминальной пищи возлагаются на соседей. Представители тариката накшбандий, Овди мурдаш, не режут жертвенного животного, как это делают кунтахаджинцы, батылхаджинцы. Совершать обряд жертвоприношения имеет право только человек, строго соблюдавший отправление намазов (*ламаз дохадя воцаш*). Во время забоя тело жертвенного животного (коровы, быка) располагают перпендикулярно Каабе (мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе мечети аль-Масджид аль-Харам в городе Мекке в Саудовской Аравии). При этом нужно сказать, в честь какого человека приносится в жертву это животное. Нужно обязательно произнести имя матери, а затем самого покойного. Мясо животного из расчета 3–5 кг на семью раздается всем без исключения соседям, без учета деления по братствам. В последние годы стали практиковать раздачу мяса со второго дня людям, живущим в поселках для беженцев, считая, что они более нуждаются, чем остальные.

Все братства, за исключением накшбандий, перед похоронами выпекают 70 лепешек с сыром (*чIатильг*), обильно смазывают их топленым сливочным маслом и раздают всем соседям по две штуки на семью. Приготавливается халва из пшеничной или кукурузной муки и топленого масла с добавлением сахарного песка и также раздается всем соседям по одному куску. По желанию семьи эта милостыня раздается в течение первых семи дней. В братстве накшбандий разрешается раздавать милостыню в виде готовых продуктов питания, не требующих специального приготовления: сахар, соль, чай, мука и др.

Перед погребением покойника обмывают. Эту процедуру производит специально обученный обмывальщик того же пола, что и умерший. Как отмечала Эльджеркиева Миновси, она обмыла более чем 200 покойников и каждый четверг читает за них молитвы [ПМА. Ингушетия 2008]. Зная, насколько она набожна и ответственна, многие обращаются именно к ней с этой просьбой. В каждом населенном пункте имеется по несколько человек обмывальщиков.

В виде исключения близкие родственники могут совершать данную процедуру сами, независимо от пола, если они изъявили на то желание. Совершивший обмывание покойника как можно быстрее должен искупаться.

Людей, умерших насильственной смертью, во время военных действий, в дороге или утонувших, хоронили еще в 1980-е годы без обмывания и савана, в той одежде, в которой их постигла смерть. Считается, что такой человек непременно попадет в рай, и его смерть воспринимается как смерть во имя веры (*гюазот венна*) [ПМА. Ингушетия 2008]. Однако современные ингуши отошли от этой практики. Сейчас хоронят всех с исполнением полного ритуала и одевают в саван, за исключением тех, чьи тела обгорели, изуродованы или расчленены. В остальных случаях перед обмыванием тело покойного укладывают на специальное деревянное ложе, подставив под него корыто. Вода, в которой мыли покойного, выливается только в чистое место, где на нее не могут наступать люди.

От материи, предназначенной для савана, отрезается небольшой кусок, из которого шьются две перчатки для обмывания покойника. Эти перчатки остаются в семье усопшего. Им приписывается некая магическая сила, которая якобы охраняет их обладателя от несчастья. Поэтому некоторые суеверные женщины даже отрезают кусочки материи от таких перчаток и кладут их в карман своим близким и родным в качестве оберега.

После обмывания в рот, уши и нос покойного закладывается белая медицинская вага, что предохраняет от насекомых, — желание на более длительное время сохранить тело от порчи.

Затем шьется саван по предварительно снятым с покойного меркам. Совершает это человек, имеющий навыки в шитье. Для савана подходит белая ткань, это может быть ситец, батист, бязь и т.п. Длина ткани для савана покойного определяется из расчета на три оборота всего тела покойника и пять оборотов для покойницы.

Под саван нужно сшить нижнее белье. Для этого ткань складывают по росту покойного пополам. Делают вырез горловины, пришивают прямые рукава. На покойника независимо от пола надевают прямые штаны. На остающиеся открытыми кисти рук надевают рукавицы, на ноги — бахилы. Все шьется из одного рулона ткани. На женщину дополнительно надевается шелковая накидка зеленого цвета, поверх которой надевается саван. Голову покойницы можно покрыть зеленым платком, тело — сбрызнуть духами. Последнее допускается и для мужчин. Тело покойного, облаченное в саван, перевязывают в трех местах полосками ткани: у колен, щиколоток и над головой. Некоторые покупают готовый саван с вышитыми аятами (цитаты из Корана) на груди и головном уборе. Его можно купить в магазинах «Исламский мир», некоторые привозят эти принадлежности из Мекки после совершения хаджа.

Когда завершаются все подготовительные действия, покойника укладывают на ковер, предварительно подложив под голову подушку и накрыв тело одеялом из зеленого атласа или шелка, и, открыв лицо в последний раз, выносят на улицу. Каждый желающий может подойти и попрощаться, вспомнить покойного добрыми словами и пожелать ему прощения всех грехов и рая на том свете.

Затем мюриды читают молитвы, покойника заворачивают в ковер, кладут на носилки. И под громкий зикр у кадыриев и тихий у накшбандийцев траурная процессия отправляется на кладбище. Женщины не имеют права идти за похоронной процессией и присутствовать на кладбище во время захоронения. Если кладбище находится близко от села, то тело покойного на носилках несут на плечах близкие родственники и друзья. Они сменяют друг друга по очереди, прямо на ходу, так как носилки не должны опускаться на землю до самой могилы.

Кладбище имеется в каждом большом селе. Оно бывает поделено на родовые участки, покойников из каждого рода хоронят только там, независимо от того, где он жил и к какому братству принадлежал. У ингушей, как и у многих народов, принято погребать покойника только на земле предков, поэтому, если смерть настигла человека за пределами Ингушетии, его тело перевозят на родину.

Между Назранью и Кантышевом располагается кладбище, основанное после осетино-ингушского конфликта в 1992 г. На этом кладбище чаще всего хоронят погибших за пределами Ингушетии, убитых во время несения службы или умерших насильственной смертью.

Могилу роют (бесплатно) физически крепкие, совершающие намаз молодые люди, независимо от степени их родства с покойным. Кунтахаджинцы приносят на кладбище еду и кормят их, среди накшбандийцев такой практики нет.

Могила имеет прямоугольную форму, ее длина обычно равна 2 м, но может быть увеличена или уменьшена в зависимости от роста покойника, ширина — 70 см. Глубина отмеряется семью штыками лопаты для мужчин и девятью — для женщин. Нужно отметить, что если могила вырыта и по каким-то причинам осталась неиспользованной, то в ней нельзя хоронить, ее засыпают. Но в недалеком прошлом, еще в 1970–1980-х годах, ингушские женщины, у которых умирали дети, совершали следующий ритуал. Они дожидались дня, когда могила останется пустой и, купив большой амбарный замок, предварительно открыв его ключом, опускались в пустующую могилу и закрывали замок. Рассказывали, что Томара Харсиева, у которой умирали все дети мужского пола, даже переночевала в могиле в надежде, что ее больной сын останется

жив после этой процедуры, но, к сожалению, исцеления не произошло и ребенок скончался [ПМА. Ингушетия 2008]. В настоящее время этой практики нет.

На кладбище покойного в саване перекладывают на брезент и опускают в могилу, куда предварительно спускаются два близких родственника для поддержания тела.

В могиле имеется подбой, куда помещают тело, развязав узлы на саване и повернув лицом к Каабе. Однако в братствах имеются различия погребальных процедур. Так, накшбандийцы и батылхаджинцы делают подбой с левой стороны (так, считается, был похоронен пророк Мухаммед). Кунтахаджинцы делают подбой с правой стороны, тем самым выражая уважение к пророку, ибо подбой получается как бы сзади подбоя в могиле Мухаммеда — так завещал сам Кунта-хаджи [Албогачиева. Д. 1769, л. 1–2]. Оба варианта подбоя считаются допустимыми, не противоречащими шариату, так как тело покойного в любом случае обращено к Мекке. Затем подбой закрывают досками и для их закрепления заставляют саманными кирпичами и засыпают землей.

Когда на кладбище заканчиваются кирпичи, в пятницу в мечети объявляется о необходимости их изготовления, назначается день. В назначенный день жители всей округи, мужчины и женщины, приходят к условленному месту, чаще всего к реке, где предварительно выкопана квадратная ниша, которую наполняют глиной и соломой и заливают водой. Начинается процесс замешивания самана, в котором участвуют только люди, без использования лошадей. Когда саман готов, его кладут в небольшие прямоугольные формы и переносят на определенное расстояние, где раскладывают на земле, давая подсохнуть. После того как кирпичи высохнут, их развозят по ближайшим селениям и складывают в специальные постройки (рис. 1) на кладбищах, где хранится и вся остальная похоронная утварь.

Над могилой в изголовье устанавливается памятник (*чурт*), предпочтительно в тот же день. Обычно он бывает прямоугольной формы с овальным верхом, с изображением звезды и полумесяца (исламский знак), с фамилией, именем, отчеством и годами жизни покойного (рис. 2). Памятники делаются из различных материалов, от чисто бетонных до мраморных. Этим занимаются частные фирмы.

После завершения этих процедур кунтахаджинцы совершают три круга быстрого зикра вокруг могилы покойного. Кунта-хаджи говорил, что если сделать данную процедуру, то ангелы будут просить Аллаха о милости и снисхождении к усопшему. Самая последняя процедура, которую необходимо совершить на кладбище в день похорон, — полить

Рис. 1. Постройка на кладбище. 2008 г. Фото автора

Рис. 2. Надмогильные памятники на мемориальном кладбище.
Окрестности г. Назрань. 2008 г. Фото автора

водой из кувшина контур могилы. После этого необходимо еще на какое-то время остаться у могилы и читать молитвы, прося у великого Аллаха о спасении души покойного.

Участники похоронной процессии по дороге домой с кладбища и уже после возвращения в дом покойного исполняют религиозные гимны. Ингуши к этому относятся с почтением. В настоящее время есть известные исполнители гимнов: Харсиев Магомед Шовхалович, Евлов Магомед Дениевич, Боголов Якуб Баширович и др. В первой трети XX в. наиболее известными были жители селения Гадаборш-Юрт (ныне с. Куртат Пригородного р-а Республики Северная Осетия — Алания) из рода Гадаборшевых — Аслангири Хуниевич, Саварбек Эльмурзиевич, Джабраил Абдулаевич, Яхья Орцхоевич. Их приглашали на похороны и поминки. Во время исполнения гимнов народ начинал безудержно плакать. В репертуаре этих исполнителей было более двух десятков песнопений в честь шейха Кунта-хаджи [ПМА. Ингушетия 2008].

Среди кунтахаджинцев принято в течение первых трех вечеров совершать в доме покойного зикр, который может начинаться в 21 час и продолжаться до утренней зари. Считается, что если зикр продолжается долго и в такт — это хороший признак. Покойника, в память о котором он совершен, ждет милость Аллаха и рай. Обряд совершения зикра имеет отличия в разных братствах. «Баталхаджинцы исполняют зикр громко, покачиваясь на месте и хлопая в ладоши, но при этом они не движутся по кругу, подобно кунтахаджинцам, и не подпрыгивают так интенсивно, как бататгирихаджинцы» [Акаев 1994: 94]. В отличие от кунтахаджинцев баталхаджинцы не делают многочасового зикра и не допускают к исполнению кругового зикра женщин. Члены братства Бататгири-хаджи во время исполнения зикра мотают головой вперед и назад [Акаев 1994: 91–92], при этом подпрыгивают на месте попеременно с одной ноги на другую. В вирдах Кунта-хаджи и Бататгири-хаджи есть женские мюридские общины, участвующие в совершении кругового зикра. В Ингушетии практика женских мюридских групп существует только среди приверженцев кадырского тариката.

Кроме накшбандийцев, все остальные братства собирают мюридов на седьмую и сороковую ночь, когда совершается громкий зикр и читаются молитвы за упокой души. После окончания зикра мюридов угощают вареным мясом с бульоном или специальной подливкой (*берх*), лепешками с сыром (*чатильэ*) и чаем с пирогами, конфетами и медом. В зависимости от достатка семьи меню может быть расширено. Однако в некоторых селах введены ограничения, и мюридов угощают только лепешками (*чатильгаши*) и чаем, исключив мясо, так как это накладно для

малоимущих слоев населения. Такие решения принимаются на пятничной молитве голосами всех присутствующих. Так, в с. Гамурзиево Назрановского р-на мюриды общим голосованием приняли решение, что после совершения зикра они не будут принимать пищу, содержащую мясо, так как многие семьи не в состоянии делать такого рода угощений. Они ввели общее для всех мюридов меню, состоящее из лепешек, ингушской домашней халвы и чая.

Через некоторое время после смерти человека его вещи раздают (*икхат де*) родственникам или просто бедным людям.

Ингуши исповедуют ислам, но они сохранили некоторые древние представления о загробной жизни и культе предков. Все ингуши независимо от того, к какому тарикату относятся, каждый четверг до заката солнца дают «милостыню» трем своим ближайшим соседям. Считается, что каждый четверг души покойников возвращаются в свои дома с целью убедиться, что их помнят. Поэтому в каждой семье тщательно выбирается угощение, которое будет делаться в четверг, чтобы не обидеть покойников. Культ ближайших предков проявляется и в бытующем в настоящее время обычае не произносить ложную клятву. Ингуши в особых случаях клянутся могилой покойного отца (*Са да вахачу кашатор*). Этот обычай имеет широкое распространение.

Предписанный мусульманским религиозным культом обряд пожертвований в память об умершем бытует в разных формах у всех мусульманских народов Северного Кавказа.

По истечении 38 дней на 39-ю ночь ингуши устраивают поминки. Однако необходимо оговорить, что не все братства делают это. Например, последователи накшбандийского тариката категорически не приемлют поминок как таковых, считая существующие поминки на 39-ю ночь или годовые поминки пережитком некогда существовавших языческих обрядов. Однако последователи учения Кунта-хаджи не разделяют их взглядов и устраивают поминки на 7-й и 39-й день, годовые поминки и поминки в месяц рамадан.

Поминки могут проходить в виде трапезы с чтением молитв и совершением зикра или в виде раздачи продуктов и мяса жертвенного животного. В зависимости от финансовых возможностей организатора поминок они могут включать все эти элементы. Все зависит от возможностей и желания семьи, но чаще всего это набор продуктов — пачка сахара, чай, фиников, домашней халвы.

Четко установленных сроков для проведения поминок не существует, хотя большинство людей предпочитают делать это на годовщину смерти или в дни мусульманского праздника Ураза-байрам.

Женщины приносят на поминки приготовленные дома пироги и торты, или покупают готовую еду, или же приносят деньги. Все продукты ставят на стол для угощения присутствующих. Мужчины же не дают ни денег, ни подарков, они должны только принять участие в приеме пищи. В этом братстве принято, чтобы в день похорон или поминок каждый пришедший что-нибудь съел. Считается, что душе покойника хорошо, если поминальными блюдами угощают детей [Пчелинцева, Соловьева 2005: 202].

В поминальные дни для близких родственников режется корова или бык и готовятся национальные мясные блюда *дулх* и *берх*. В последнее время в зависимости от возможностей семьи приготавливаются и европейские блюда. Женщинам, уходящим с поминок, принято давать с собой вареное или сырое мясо, пирог или торт, фрукты. Вечером собираются мюриды и совершают громкий зикр, заканчивающийся угощением. Такого рода поминки по желанию делают по истечении одного года, но это необязательно.

Необходимо отметить, что в Ингушетии происходит некоторого рода смешивание обрядов, чаще всего в тех семьях, где в браке состоят члены разных братств.

Рассмотрим вариант, когда муж принадлежит к кадырийскому, а жена — к накшбандийскому братству. Всегда приветствуется, чтобы супруга перешла в то братство, к которому относится ее муж, но это необязательно. Чаще всего жены придерживаются того братства, к которому относились их родители.

Так, в семье *А.* муж является членом кадырийского братства, а жена — накшбандийского. Когда ей задали вопрос, к какому братству ей хотелось бы принадлежать, она ответила, что к братству мужа. Свой выбор она аргументировала тем, что в этом братстве ей нравится проведение похорон с громким зикром и сопутствующей этому братству похоронной обрядностью. Оказалось, что ей с давних пор нравилось исполнение зикра, потому что эта молитва вынуждает задумываться о смертном часе каждого, кто ее услышит. Если прохожий или просто проезжающий на машине человек видит похоронную процессию, он останавливается, молится за душу покойного и продолжает свой путь, только дождавшись, пока эта процессия отдалится. Кроме того, мелодия зикра разносится на несколько километров от места погребения, и люди, даже не видя и не зная, кого и где хоронят, все молятся за упокой его души, тем самым увеличивая число молитв, возносимых к Всевышнему за покойного. И это был ее главный мотив в связи с ее переходом в другое братство. Такие случаи характерны для представителей и других вирдов.

В следующем сюжете речь пойдет о смешении некоторых обрядовых практик членами одного братства без изменения вирдовой принадлеж-

ности. Так, члены семьи *Б.* на протяжении всей жизни принадлежали к вирду Кунта-хаджи, но в пожилом возрасте они переняли некоторые элементы из братства наکشбандий. Свое поведение они объяснили родственникам тем, что им больше нравится процедура, где не нужно заниматься приготовлением еды приходящим на похороны. Они считали, что близким родственникам, убитым горем, очень трудно психологически заниматься в этот день приготовлением лепешек, халвы и другой еды, что смерть близкого и без того большой стресс, который не следует усугублять. Во всем остальном они соблюдали все элементы похоронной обрядности, свойственные членам их братства. Встречается такого рода смешение обрядовых практик в отдельно взятых семьях и в наکشбандийском тарикате, где тоже вводятся новые элементы, тем самым происходят некоторые отступления от ритуалов, разработанных их устазами.

Так или иначе в последнее время наблюдается тенденция отхода от общепринятых норм, характерных для различных братств, замена одних обрядов другими, о чем свидетельствуют наши полевые материалы и наблюдения.

Подводя итог, хочется подчеркнуть, что в повседневной жизни вирдовая принадлежность не имеет особого значения. Она играет важную роль в организации похорон и поминок ингушей.

Современные обряды представляют большой интерес для исследователей, и мы надеемся, что эта работа послужит толчком для серьезных изысканий по этой и иным смежным с ней темам.

Библиография

Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: традиционное сельское сообщество — социальные роли, общественное мнение, властные отношения. СПб., 2007. С. 75–129.

Албогачиева М.С.-Г. Материалы полевой экспедиции, Республика Ингушетия, 2004–2005 гг // АМАЭ. Ф. К–I, оп. 2, д. 1769.

Акаев В.Х. Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение. Грозный, 1994.

Ахриев Ч. Похороны и поминки у горцев // Ингуши / сост. А.Х. Танкиев. Саратов, 1996.

Бабич И.Л. Современное исламское движение в Кабардино-Балкарии // Исламское возрождение в современной Кабардино-Балкарии: перспективы и последствия. М., 2003.

Гостиева Л.К., Сергеева Г.А. Поминальные обряды у мусульманских народов Северного Кавказа и Дагестана // Северный Кавказ: бытовые традиции в XX в. М., 1996.

Далгат Б.К. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М., 2004.

Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991.

Пчелинцева Н.Д., Соловьева Л.Т. Обрядность похоронно-поминального цикла у народов Северного Кавказа // Полевые исследования Института этнологии и антропологии. М., 2005.

Шиллинг Е.М. Ингуши и чеченцы // Религиозные верования народов СССР. М.; Л., 1931. Т. II.